

ИРИНА
МУРАВЬЕВА

ЖЕНА ИЗ ТАИЛАНДА

Высокая проза

Эта проза странная. Издатели пытаются ее уткнуть в жанр «женской прозы», а жанр для нее маловат, трещит по швам. Слишком живое, слишком настоящее.

Михаил Шнишкн

Ирина Муравьева — самый, по-моему, интересный русский зарубежный прозаик новейшего времени. Безупречная память, тонкий слух, высокопрофессиональная наблюдательность и дар сострадания — что еще нужно хорошему писателю? Всем этим обладает Муравьева. Бог ей в помощь.

Александр Кабаков

Ирина Муравьева
Неизданный Достоевский

«ЭКСМО»

2009

Муравьева И. Л.

Неизданный Достоевский / И. Л. Муравьева — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-32616-7

ISBN 978-5-699-32616-7

© Муравьева И. Л., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Первая публикация	5
Венчание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ирина Муравьева

Неизданный Достоевский

Первая публикация

Вниманию исследователей творчества

Достоевского:

Пропущенная глава из романа

Ф.М. Достоевского «Идиот»

(предоставлено американскими архивами)

Предлагаем вашему вниманию только что обнаруженный в архиве американского слависта Эллиса М. Броневски текст двух черновых вариантов предпоследних глав романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Первый вариант явно выпадает из той сюжетной структуры, к которой в ходе работы над романом пришел Достоевский. Предполагалось, как доказывает текст этого чернового варианта, написать состоявшееся венчание Рогожина с Настасьей Филипповной, и Достоевский разрабатывал мотивы, по которым убийство Настасьи Филипповны должно было произойти в ночь после венчания, проведенную молодыми в доме Рогожина перед поездкой на богомолье.

Второй черновой вариант практически представляет собой пропущенную из окончательного текста романа главу, опять-таки прямо рисующую событие убийства, от описания которого Достоевский впоследствии отказался.

Мы пользуемся случаем поблагодарить доктора Эллиса М. Броневски за предоставленную нам возможность этой публикации.

Ирина Муравьева

Венчание

С утра у него начала болеть голова и болела до захода солнца. Настасья Филипповна не прислала, как она обычно это делала, горничную с запиской, чтобы он знал, можно ли зайти к ней сегодня или нельзя. Значит, нельзя. Значит, опять жди какого-нибудь фокуса, нового унижения какого-нибудь. Вон как она третьего-то дня пошутила: «Раз, – говорит, – мы сейчас венчаемся, то и сделай, что я скажу: позови князя в церковь». Он на нее только глаза выкатил: «Князя? В церковь?» – «А что, – говорит, – разве теперь не все равно, раз я тебе законной женой буду? Или ты жене своей законной доверять не желаешь? Ну, – говорит, – отвечай! Будешь ты своей законной жене, в церкви Божьей с тобой венчанной, доверять али не будешь?» – «Буду». – «А раз так, то и зови князя на свадьбу. Чем князь не гость?»

А потом – как давай хохотать! «Неужто, – хохочет, – ты мне поверил, будто я князя к себе на свадьбу захочу? Ну ты, брат, прост! Ну, я над тобой всю нашу жизнь шутить буду!» Он только зубами заскрипел. Отхохоталась – и в слезы. «Пошел, пошел! Ко мне сейчас портнихи будут! Платья примерять! Уходи!»

Вечером он было опять к ней сунулся. Горничная отворила: «Настасья Филипповны нету. Уехала к вечерне. Оттуда к Дарье Алексеевне в гости. Вернутся за полночь». Хотел было на дворе ее дожидаться, да гордость помешала. А вернее сказать, трусость заячья. Ну как опять накричит? «Что, – скажет, – караулишь? Не пришло еще твое время – меня караулить! Поди прочь!» Все дыхание в нем от этаких слов останавливалось. Тошен он ей, вот что. Ну и страх, конечно. Правильно он ведь князю-то тогда заявил: «Ей за меня, может, хуже, чем в воду...»

Заявить заявил, а самого судорогой свело. Князь было хотел возразить, да запнулся.

Плоть – вот очень мучает. Иной раз и не заснешь. Выскочишь во двор, – хорошо, коли зима, – бросишься на сугроб в одной рубахе, лежишь, пока мороз до костей не продерет. Всю морду отморожишь, в сугробе-то. Тогда только и утихнешь.

Как он мальчишкой лишился невинности, провел вечер с продажной женщиной (братец двоюродный, купчик сибирский, приехал в Первопрестольную, подпоил, пошли в срамной переулоч!), так с тех пор ни с кем из женского пола не знался, грех перед иконами замаливал, ночи на коленях стоял. А толку что? Стой не стой, плоти поклонами не осилишь...

Ох, она ему и снилась, Настасья Филипповна! И все развратными такими образами, соблазнами несусветными! «Обвенчаюсь, – думал, – и замолю. Из церкви на богомолье поедem, подальше куда-нибудь, на пароходе поплывем!»

Как, бывало, глаза закроет, так перед ним картина эта, аж горло иногда перехватывает: стоят они вдвоем на палубе, смотрят друг на дружку, а она ласковая с ним, Настасья Филипповна, смеется, кудри со лба отводит... Д-д-ду-рак ты, Рогожин! Как есть дурак! Ты на ней женишься и ни одной ночи спать спокойно не будешь! Глаз с нее спустить побоишься! Князю-то ведь сам сказал давеча, что она не в уме, сам ведь себе приговор подписал!

Голова что-то больно разламывается. Пойти разве к матушке вниз, пилюлей каких попросить? Да там уж небось спать легли, у матушки-то! Какие ночами пилюли?

Вышел на двор, сел на лавочку. Она вот вчера спросила спокойным голосом, – кабы при этом глазами, как бритвами, не полоснула, так ведь ничего и не заподозришь!

– Ты, Парфен Семеныч, судя по всему, и деток нарожать захочешь?

Он побелел весь, губы запенились.

– Я, Настасья Филипповна, в детках ничего плохого не вижу, коли они от честных родителей родились.

Тут она прищурилась.

– Да где же ты, – шепчет, – честных тут родителей отыскал? Это уж не я ли, друг ты мой Парфен Семеныч, честная выхожу?

Рогожин вдруг замерз, хотя вечер был теплым. Только что начал было накрапывать мелкий дождичек, мельче слезинок, и перестал. Тучи в небе рассеялись, краешек солнца вспыхнул над крышей напротив. Холодно – а я посижу. Ты в гостях развлекаешься, а я тебя тут обжидать буду. Завтра-то, развлекайся не развлекайся, обвенчаемся с тобой, поглядим, кто кого. Привезу тебя, лебедь белую, ну, давай, скажу, разговаривать...

Встал, походил по двору. Голова вроде прошла, а туман в ней остался. Мысли дурацкие лезут... Положу тебя, лебедь белую... Ну, давай, скажу... А разговоры у нас с тобой, Настасья Филипповна, нехорошие будут. Я с тебя за все ответ получить желаю.

И за Тоцкого, хоть ты махонькая была! Махонькая! А почему ты, махонькая, от стыда лютого в петлю не залезла? В омут не бросилась? Махонькая! Сама же сказывала, что всякий раз к приезду оскорбителя своего платье новое надевала, от окна не отходила – ждала, пока лошади его из-за поворота покажутся! Вот тебе и махонькая! А в Петербурге потом? Семь, говоришь, годков одна-одинешенька? Ой ли? Это ты Дарье Алексеевне будешь сказывать, как ты семь годков после Афанасия Ивановича затворницей прожила, ей будешь небылицы плести...

А если и впрямь прожила? Натура-то дикая, обозленная, могла ведь, чтобы обидчику отомстить, и в монастырь запереться! Всяко могла! А, вот тут и загвоздка! Коли ты такая затворница и тебе мужское внимание безразлично, зачем тебе тогда уборы бриллиантовые, туалеты французские? А ведь туалетов-то завела, туалетов-то! Да и потом, после Афанасья Иваныча, ни от каких подарков ведь не отказывалась! Вчера, например, из английского магазина опять счета принесли! Кто их оплачивает-то? Я и оплачиваю, меня-то ты не обманешь! Князь вон, Лев Николаич, он тебя, таковскую, не знает. Для него ты ведь жертва безвинная! «Я вас, Настасья Филипповна, за страдания ваши люблю...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.